

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Вып. 2 (69)
Том 21

2019

Раймонд Доминик
РАЗГРОМ
ПРИРОДООХРАНЫ
В ФАШИСТСКОЙ
ГЕРМАНИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агафонов В.А.	Россия
Александров Д.А.	Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е.	Украина, Заслуженный природоохранник Украины, главный редактор
Войцеховский К.	Польша
Гараев А.С.	Азербайджан
Данилина Н.Р.	Россия
Левченко В.Ф.	Россия, доктор биологических наук
Мазуров Ю.Л.	Россия, кандидат географических наук
Марушевский Г.Б.	Украина, кандидат философских наук
Мишаткина Т.В.	Беларусь, кандидат философских наук
Морохин Н.В.	Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А.	Россия, доктор биологических наук
Поликаршов Г.Г.	Украина, доктор биол. наук, академик НАН Украины
Прохорова И.А.	Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А.	Россия
Уиннер Д.	США, доктор исторических наук
Шукуров Э.Д.	Кыргызстан, доктор географических наук
Ясвин В.А.	Россия, доктор психологических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

ул. Радужная, 31-48
02218, г. Киев,
Украина

e-mail: kekz-office@ukr.net

ADDRESS:

Raduzhnaya str. 31-48
02218 Kyiv
Ukraine

Электронная версия журнала: <http://www.ecoethics.ru>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 21 • Supplement 2 (69) • 2019

Edited by V.E. Boreyko

Международный экологический журнал

Учредитель • Киевский эколого-культурный центр

Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

ИЗДАТЕЛИ:

Киевский эколого-культурный центр

Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП
(WCPA/IUCN)

Компьютерный набор • О.А. Яценко; верстка • С.А. Желясковой
Обложка • рис. С.А. Лонарева.

© Гуманитарный экологический журнал, 2019

© Киевский эколого-культурный центр, 2019

© Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2019

© Humanitarian Environmental Magazine, 2019

© Kiev ecological and cultural centre, 2019

© World Commission on Protected Areas IUCN, 2019

ISSN 1727-2661 (Print)

ISSN 1727-270X (Online)

Во всех отделениях связи Украины можно оформить подписку на Гуманитарный экологический журнал.

Подписной индекс
журнала – 91151.
Журнал выходит
4 раза в год.

Почтовые переводы в поддержку Гуманитарного экологического журнала можно направлять по адресу:

**02218, Украина,
Киев,
ул. Радужная,
31-48,
ГЭЖ,
В.Е. Борейко.**

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

- 1 Гуманитарный экологический журнал публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
- 2 Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
- 3 Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице.
- 4 Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
- 5 Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.
- 6 Рукописи и фото не рецензируются и не возвращаются.

Рис. Э.Д. Шукурова

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью?
Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

СОДЕРЖАНИЕ

Раймонд Доминик

Разгром природоохраны в фашистской
Германии

Разгром природоохраны в фашистской Германии*

Раймонд Доминик

Часть I

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОБЛАЗН

Немецкая деревня должна быть сохранена при любых условиях, так как она всегда была и есть источником силы и величия нашего народа
А. Гитлер

Оживленные А. Гитлером и его нацистскими последователями, в 1933 году представители национальной традиции Германии захватили контроль над страной и разрушили прочие политические традиции страны. Опыт программы природосохранения определил этот исход, когда реакционные и расистские природоохранные элементы захватили движение и увели его в сторону, синхронно с остальной фашистской нацией.

После краткого описания состояния природоохранного движения в 1920-тых, вторая часть этого курса пытается пояснить, почему фашисты обрели стольких последователей среди защитников природы. Вначале изучим, идеологические сходства между охраной природы и национальным социализмом. Затем проанализируем, как различные лидеры и группы природоохранного движения реагировали на фашистов, и как жили при этом новом режиме. И наконец, рассмотрим меры, установленные фашистским правительством для защиты немецкой окружающей среды, и кото-

рые определяли, соответствуют ли действия третьего рейха в рамках природоохранного движения ожиданиям его многословных основателей.

Движение в 1920-х

Вслед за революцией ноября 1918 года, свергнувшей Кайзера, Германия склонилась к парламентской демократии. Конституция, разработанная для Веймарской Республики, была прогрессивной. За более чем десять лет она обеспечила немецких граждан пропорциональной репрезентативностью, подчиненными парламенту министрами и большим спектром гражданских свобод. Веймарская конституция была также весьма прогрессивной в своем внимании к охране природы. В том, что, возможно, было первым в мире конституционным мандатом охраны природы, статья 150 гласила: «Памятники истории и природы, так же как и деревня, находятся под защитой и заботой государства».

Такая защита была крайне нужна. Для хотя бы одного примера многочисленных проблем окружающей среды, которые накопились и усилились во времена Веймарской Республики, приведем полосную выработку коричневого угля, которая достигла колоссальных пропорций. Тоннаж 1928 года был в 11 раз больше выработанного только 40 лет до того. Процесс нанес значительный урон, так как практически никаких усилий к восстановлению земли не предпринималось. Бужен Дизель, впечатлительный комментатор проблем современности, отметил, что «ни одна

*Перевод КЭКЦ. Опубликовано: Raymond H. Dominik III, 1992. The environmental movement in Germany. — Indiana University Press. — P. 81-115.

война, ни один культурный бунт не изменил облик земли так сильно и так значительно, как полосная выработка коричневого угля». В результате чего, деревня напомнила Дизелю «фантастический лунный ландшафт». Важный природоохранный журнал «Охрана природы» детализировал влияние полосной угледобычи в районе Биттерфельда. Только в одном этом регионе полосная угледобыча за 30 лет поглотило 157.4 гектара сельскохозяйственной земли и 778 гектаров леса. Во время своей работы, шахтеры считали необходимым откачивать большие объемы грунтовых вод — этот процесс осушил окрестные болота, реки и ручьи. Он не только истощил ценнейшие запасы чистой воды, он также нанес огромный урон сельскому хозяйству округа. Как результат такой деятельности, показатели региона зафиксировали рост 1724 гектаров пустырей, территорий непригодных ни для какой деятельности человека. Инструкции, выпущенные Рурским обществом, распространились на последствия добычи коричневого угля и описали урон, который она наносит. Приведя хронику опустошения Рурского региона, начиная с бедствия с диоксидом серы, этот документ 1927 года назвал местные условия обитания «Смертью лесов».

Ответы обеспокоенных групп и отдельных людей на эти и другие катастрофы окружающей среды были такими разнообразными, как и сами обеспокоенные под правлением Второй Империи. Одна маленькая часть обеспокоенных считала, что только революционная трансформация общества могла бы излечить болезни окружающей среды. Предвосхищая мнение части современного движения Зеленых, эти радикалы осудили капитализм и потребительство (консьюме-

ризм), прописав взамен систему анархических сообществ. Однако, учитывая их влияние в наше время, эту часть стоит упомянуть лишь вскользь, и в 1920-тых большая часть природозащитного движения продолжала функционировать, наряду с реформистскими направлениями, которые появились во Второй Империи. Работая скорее с, чем против установленной власти, они стремились скорее к смягчению проблем современного индустриального общества, чем к их уничтожению.

Природоохранные организации, которые обсуждались в предыдущей главе, все пережили войну и революции. Но они не одинаково преуспели в поствоенном мире. Крупнейшая группа в Германии, Общество защиты птиц, потеряло приблизительно четверть участников во время гиперинфляции, которая разорила Германию в начале 1920-тых. На протяжении остальной декады, их список застыл на отметке 30 тысяч участников. Пока фашистский переворот не сделал опыт этой конкретной группы источником роста. К 1939-ому численность общества наконец достигла довоенной отметки, и в 1943-ем, в середине Второй Мировой, установило рекорд в 55 тысяч участников.

Баварская Лига Защиты природы продемонстрировала иную модель. Насчитывая только 535 участников в конце Первой Мировой Войны, ее численность увеличилась в 15 раз к 1925-ому году. Ее слияние с Баварским Государственным Комитетом охраны земель, спонсируемым государством и начавшим работу в начале декады, определенно послужило причиной этого успеха. К 1930-ому Лига насчитывала почти 13 тысяч членов, и их число продолжало расти, и составило 28 тысяч накануне Второй Мировой.

К разрастанию организаций-долгожителей добавлялось создание новых групп. В 1920-ом люди, назначенные контролировать ущерб от туристов в баварских Альпах, основали в Мюнхене новый клуб и назвали его «Горный патруль». Хотя репутация второстепенного призвания этого сообщества, как организации, спасающей альпинистов и лыжников, попавших в опасность, перекрывала ее первоначальную цель, ее основатель, Фритц Бергер, четко обозначил эту первостепенную цель, назвав группу «Лигой борьбы», воюющей с «грехами против Природы и гор». Для этой цели мужчины Горного патруля (а он весь состоял из мужчин) организовались в патрули по 2-6 человек и путешествовали из Мюнхена в разные горные деревни. Оттуда они поднимались в отдаленные местности, предупреждая и наставляя каждого, кто мусорил, собирал редкие растения, или вредил Альпам другими способами. Они также патрулировали ж/д станцию в Мюнхене, выглядывая браконьеров, торгующих эдельвейсами и другими растениями, охраняемыми законом. К концу 1930-ых в эту организацию прямого действия записались от 2-х до 3-х тысяч людей. Записи, которые сохранились у Горного патруля свидетельствуют о значительном успехе в восстановлении фонда попавшей под угрозу альпийской флоры.

Таблица ниже подытоживает рост участников трех организаций, которые мы рассмотрели, плюс Общества Изарской долины.

Во времена Ваймарской Республики Общество охраны природы также экспериментировало с региональными и национальными ассоциациями. В отличие от групп узкой целевой направленности, общества общенационального уровня, такие как Общест-

во защиты птиц или Общество за природу парков, занимались полным спектром природоохранных проблем. Нанимая предыдущие сообщества, Природоохранное кольцо Берлина-Бранденбурга выступило своеобразной смесью приблизительно 3-ти лиг и сообществ, включая охотничьи клубы, альпинистские союзы, энтомологических и орнитологических сообществ, а также таких природозащитных групп как «Друзья природы». В середине 1920-ых доктор Ханс Клозе, один из лидеров «кольца», хвалился, что его члены насчитывают 5 млн, но эта цифра включала списки всех организаций-участников, большинство из которых имели, возможно, лишь маргинальный интерес в защите природы. Наиболее ощутимой деятельностью «кольца» было спонсорство ежегодных региональных конференций по защите природы. Кроме скромных результатов образовательного, пропагандистского и связующего характера, которые приносили такие встречи, «кольцо» имело малые достижения.

Более активной была общенациональная Народная Лига защиты природы, основанная в 1922 году. В первые пять лет она только в одном Берлине провела 256 выставок по защите природы. Кроме того, она учредила курс публичных выступлений зоозащитников, куда предоставляла релевантную информацию и слайды, которые использовали выпускники курса для информирования и оживления многочисленных дискуссий по всей

стране. К несчастью, общая ситуация не все время была простой и слаженной. В конце 1920-ых, соперник, многофункциональное общество Лига заботы о природе и Родине появилось на арене. Доступные источники не позволили восстановить картину взаимоотношений этой Лиги и Народной

Лиги защиты природы, но вполне ясно, что фрагментарность в зоозащитном движении, характерная для сегодняшнего дня, плохо влияла на движение и в далекие 1920-тые. Зоозащитники Ваймарской эры постоянно высказывали разочарование по поводу провалов в организации движения.

Другим недостатком было отсутствие подходящего зоозащитного законодательства. Три конгресса по защите природы (из череды конгрессов, начатых Хьюго Конвентцом), проведенные в 1925, 1927 и 1929 годах, требовали принятия зоозащитного законодательства, которое привело бы в действие статью 150 Конституции. На четвертом собрании в 1931 году возбужденный оратор кричал «Как долго правительство и Рейхстаг будет игнорировать эту тему?» Хотя в нескольких небольших регионах наблюдались неплохие результаты, в двух наибольших — Пруссии и Баварии — природозащитное законодательство заглохло на время всей Ваймарской эпохи. Несмотря на резолюции поддержки от природозащитных групп и даже от прусского государственного законодательного органа, правительства отказывались даже представлять на рассмотрение соответствующие законы. В статье, опубликованной доктором Клозе в конце 1920-тых, он выразил свое возмущение по этому поводу. Согласно Клозе, лидеров правительства, которые хоть немного симпатизируют защите природы, можно сосчитать по пальцам, и даже эти немногие проигнорировали конгрессы по природозащите. В удручающей манере он сравнил крестовый поход природозащитников с собакой, пытающейся догнать автомобиль, на котором едут Ваймарские министры. В представлении Клозе, Ваймарский режим отказался услышать лай природозащитного движения.

Однако, когда Ваймарский режим дискредитировал себя, не справившись с кризисом Великой Депрессии, а также с повсеместными жалобами, природозащитники Германии затаили собственную обиду против республики: на недостаточность природозащитного законодательства. Расстроенные завалом политики особых интересов, который парализовал умирающую демократию Германии, некоторые природозащитники попали под магию расплывчатых фашистских обещаний национального пробуждения.

ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА И ЗАЩИТА ПРИРОДЫ

Казалось, что национальный социализм откликнулся на молитвы народного сегмента природозащитной кампании. Тут было активное и растущее политическое движение, которое верило в то же, что проповедовали в предыдущем столетии Вильгельм Хайнрих и Эрнст Рудорф. Тут было и движение, которое понимало важность защиты природы для сохранения здоровья и благополучия народа.

Несмотря на это, при тщательном рассмотрении, соответствие между мировоззрениями национального социализма и защиты природы далеко от идеального. Цифры ниже приведены для иллюстрации того, что две идеологии пересекались, но не совпадали.

Как обозначено выше, большая часть мировоззрения национального социализма, например, слепая вера в Адольфа Гитлера или милитаризм, которые были так распространены у фашистов, были чужды традициям защиты природы. И наоборот, многие интеллектуальные угрозы охраны природы, которые обсуждались в главе 1, например, научная экология и

Идеологическое пересечение национального социализма и защиты природы

Национальный социализм	Регенерация нации	Защита природы
Доктрина фюрера	Антимодернизм	Научная экология
К сенофобический национализм	Реакционная эстетика	Публичное здоровье
Мужской шовинизм	Идеализация крестьянства	Восточные философии
		Анализ цена-польза

восточные философии, были чуждыми и даже враждебными фашистскому кредо. Поэтому некоторые защитники природы были невосприимчивы к призывам фашизма. Сказав это, остается выделенная курсивом область совпадения в центре фигуры, где сходятся аргументы национального социализма и защитников природы. В этой области начинают смешиваться интеллектуальные вихри, порождая сильные течения которые в конце-концов увлекло очевидное большинство природозащитников в фашистский лагерь.

В этой центральной зоне вихрей общих запросов и идеалов, и защитники фашизма, и защитники природы жаждали национального возрождения. И те и другие остро чувствовали боль от военного поражения в Первой мировой войне, и предложили соответственные убеждения в качестве пути к омоложению. На протяжении войны публикации природозащитников

неоднократно заявляли, что зоозащита буквально защитила Родину, а также заявили, что мечта о нетронутой родине вдохновляла дух борьбы у людей. Когда наступило поражение, широкоизвестный натуралист Конрад Гуентер заявил, что Рейх был уничтожен из-за того, что «его основание не было крепко укоренено в землю». Согласно Гуентеру, чтобы удалось восстановление, нация должна осознать, что «земля, на которой стоит народ, может быть только почвой родины. Чем глубже народ укоренен, тем сложнее его вырвать... Народы, любящие свою страну, защищают ее до последнего, и они непобедимы. Но что мы любим в родине? Мы любим природу!» в поисках вдохновляющей исторической параллели, Гуентер ушел в прошлое на столетие, во времена, когда Наполеон доминировал над Германией. Он говорил, что в то время немцы возродили свою силу с помощью движений-близнецов Ро-

мантицизма и национализма, которые обновили связь народа с природой и с традициями и обычаями своей страны. В сложных условиях 1920-тых Гуенгер опубликовал решительный вариант выбора для своей родины: или немцы должны стать народом, радостно взростая в зеленеющем пригороде, или они должны стать «культурным удобрением другим нациям».

Аргумент Гуенгера основывался на древнем убеждении, что окружающая среда формирует характер нации. Усиленная и усовершенствованная, эта точка зрения включила в себя второй ключевой пункт из области пересечения между нацизмом идеями природозащиты, печально известный лозунг из пропаганды нацизма «кровь и земля». В этой формулировке немцы, в частности крестьянство, определяли себя во взаимодействии с землей своей родины. Качества, считающиеся достоинствами крестьянства — стойкость, мужество, усердие, честность и верность — все так или иначе произошли от этой связи с землей. Ясно, что этими достоинствами не могли обладать люди без корней, кочевники, как, например, евреи. Эта часть теории «крови и земли» могла быть перефразирована из трудов Вильяма Хайнриха Рила, написанных 75 лет ранее, и говорит о том, что История природы немецкого народа, написанная Рилем, была 4 раза переиздана во времена нацистского режима, включая специальное издание 1944 года для Вермахта. В этой формулировке содержалось нововведение нацизма — властный акцент на «крови» как живучем синониме генетической наследственности и расы. Позднее будет сказано больше об этом аспекте нацистского мировоззрения, а сейчас нужно отметить, что согласно пониманию нацистов, кровь и земля безмолвно взаимодействуют

между собой, влияя на немецкий народ.

Перспектива крови и земли была чисто антропоцентрической. С этой точки зрения природа имела ценность только как источник силы для души немецкой нации. Делая из этой предпосылки тему для природозащиты, Гуенгер написал, что «изначальной средой для эволюционирующего народа является первобытная родина», что стало «основой характера народа». В случае Германии, лес входил в состав созидательной среды, и по Гуенгеру, настоящего немца можно было определить по тому, как он оставался верным своей привязанности к лесам. В этом свободно-обсуждаемом представлении, Гуенгер доказывал, что лесные жители были менее социальны, чем кочевники или степные жители, и таким образом у современных немцев сохранилось кое-что от отшельников. Развивая дальше этот географический детерминизм, Гуенгер настаивал, что разделяющее и изолирующее влияние деревьев объясняло современную раздробленность немцев в множество политических партий и других ассоциаций. К своему удовольствию, установив таким образом, что Германия берет начало в природе, Гуенгер объявил, что «Защита природы подразумевает сохранение глубочайших ресурсов творческой души людей». Гуенгер вряд ли был одинок в своих взглядах. Отто Гройсан, директор Объединения немецкой защиты природы, выражал точно такое же мнение, говоря: «Прекрасная и богатая природа — это естественный источник сил людей, и защита природы является критерием сердца народа». Как сказано в нацистской риторике о земле и крови, многие природозащитники идеализировали крестьян до аутентичных носителей немецкой традиции. Находясь в нерушимой связи с

вращиванием земли своей родины, некоторые защитники природы видели в этих фермерах настоящих представителей Германии, а также естественных адвокатов защиты природы.

Следующей областью пересечения между взглядами нацизма и многих защитников природы была теория Великой Германии. Как и нацисты, многие поборники защиты природы настаивали, что и этнические немцы на территориях, отсеченных по Версальскому соглашению, так и их родственники по культуре, разбросанные столетия назад от Швейцарии через Австрию до далекой Эстонии, — все принадлежали к сообществу немецкой нации. Даже до первой мировой войны Общество национальных парков объединило Немцов второй империи с немцами Австрии в стремлении к идеалу природозащитника, и парки, которые оно основало, находились в обеих странах. Два десятилетия спустя, когда Еужен Дизель опубликовал свое исследование «Земля и немцы», оно включало в себя австрийские Альпы как само собой разумеющееся. Выражая похожий потенциально-экспансионистский дух, Вторая немецкая конференция по защите природы, которая состоялась в 1927-ом году, была особенно рада присутствию на ней делегации с «окупаемых территорий» Данцига.

Расизм стал еще одной сферой, которая стала общей для народных природозащитников и нацистов. Как и в начале 1913-ого, доктор Карл Вагенфельд, один из основателей Зоозащитной лиги Вестфалии, настаивал, что его организация не должна фокусироваться на архитектуре, этике, ландшафте или диалекте, а на народе (расе). Указывая на волну иммигрантов из славянских стран, которые загромождали индустриальные регионы родины, Вагенфельд предупреждал,

что каждый «гражданин нации» должен агитировать за чистоту родины и нации. Журналист Фритц Блей разделял опасение Вагенфельда. В своем эссе для Национального общества парков он провел параллель между разрушительным влиянием загрязнения воздуха на леса Германии и летальным влиянием загрязнения воды на немецкую рыбу с наплывом «немытой стаи хорватов и поляк», которые вытесняли «светловолосых и голубоглазых мальчиков и девочек» Германии. Профессор Поль Шульце-Наумберг, с 1904 по 1914 года глава немецкого общества защиты родной земли, опубликовал свою точку зрения, что равнодушие большинства немцев к защите истории и природы возникло от «расового упадка» немецкого народа. В частности он обвинил захват «низкосортными» (менее ценными расовыми элементами) социальных проектов и образования. Накануне нацистского захвата власти этот ветеран компании по защите природы кричал, что Германии угрожает увеличение «недолюдей» (человекоподобных), и как и многие из образованной элиты того времени, он оставался евгенику, как путь улучшения немецкого расового фонда. Профессор Вальтер Шоенихен, преемник Хьюго Конвентца, как директор Прусского государственного центра сохранения исторического природного наследия, в точности разделял настроение Шульце-Наумберга. «Нет сомнений», писал он в своем педагогическом учебнике 1926-ого года «Методы и техники обучения истории природы», «что расово-гигиенический упадок угрожает нашему народу». Не только понижался коэффициент рождения нации, но и более активно размножались менее ценные для распространения элементы. В этой книге, которая была написана чтобы

обучать преподавателей защите природы, Шоенихен требовал социальных мер, которые бы поощряли расово-ценных женщин плодотворно размножаться, и запрещали бы размножение «дегенеративных элементов».

Наконец, со времен Эрнста Рудорффа, народные природозащитники считали дегенерацию распространенной темой своей окружающей среды, и в Ваймарской эре основания для их жалоб на современный мир распространялись. Вызывающие опасения новшества, такие как джазовая музыка, гладкое стекло и стальные линии в архитектуре Баухауса, убедили многих природозащитников, что их страна пошатнулась на краю необратимого спада. Шоенихен верил, что бездушная культура, порожденная из «джазового и урбанистического асфальта», является основной причиной разрушения природной немецкой среды. Жалуясь на наружную рекламу, грамофонную музыку и растущую армию автомобилей, которые портили природу деревни, он предупреждал, что «забросить землю родины значит закончить с культурой».

Хотя взгляды нацистов на модернизацию были глубоко-противоречивыми, публичный образ партии был таковым, который был против успешных и эстетически-непривлекательных инноваций. Такое публичное настроение позволило нацистам кооптировать большинство больших антимодернистских течений в немецкой культуре. Проявляя и разделяя этническую антимодернистскую чувствительность, народные природозащитники и нацисты объединились в осуждении предложения создать мемориал Герману Ленсу. Помимо эстетики, природозащитники и нацисты разделяли глубокую сдержанность по поводу влияния технологии. Они также сообща выступили

против материализма, который, как им представлялось, в последнее время стал более распространенным и деструктивным. Шульце-Наумберг объединил эти две жалобы в высказывании «Бездумный путь к спекулятивному богатству без осознания или чувства недопустимо совмещать с недавно-приобретенными техническими силами, чтобы не сделать эту планету безжизненной».

В других разделах этой же книги Шульце-Наумберг продолжает, «Простое материальное превосходство индивидуума никогда не должно побеждать права сообщества». Вместо эгоистичной, деструктивной борьбы капитализма свободного рынка с социальной мобильностью меритократии, нацисты и природозащитники предпочли чувство социального единения. Вложенный в нацистский слоган «Общее благо преобладает над индивидуальным благом», энтузиазм похоронить классовые

различия под органичным союзом омоложенного народа являлся центральной частью нацистского призыва. Нацисты называли свое видение совместного и взаимоподдерживающего общества Народное Сообщество.

Вступительное слово журнала «Природа и родина» демонстрировали такое же видение. Конечно, редактор объявил свое намерение бороться против постоянного вандализма по отношению к окружающей среде, но, продолжил он, «Существуют расколы в мосту, расколы между бедными и богатыми, между различными политическими и религиозными мировоззрениями. Мы должны забыть об этих расколах и выступить на службе у народа». Уже в 1920-ом журнал любителей птиц заявил, что «Каждый должен уяснить, что от него зависит благополучие общества в целом, а тот паразит, который это не поймет, должен

быть репрессирован, чтобы не мог далее отравлять общий организм».

И нацисты, и защитники природы настаивали, что их позиция не имеет ничего общего с коммунизмом. В самом деле, антикоммунизм был одним из наиболее известных пунктов пропаганды нацистов. Многие природозащитники разделяли эти взгляды. Уже в 1907 Эрнст Рудольф заявил, что защита природной и исторической среды может быть «идеалом коммунистического интернационала». 20 лет спустя его преемники говорили, что «защита отечества может привести народ против большевизма».

ОБРАЩЕНИЕ ФАШИЗМА К ЗАЩИТНИКАМ ПРИРОДЫ

Хотя существенные совпадения в мировоззрениях национального социализма и защиты природы обеспечивало очевидную возможность для фашистской вербовки, партия, как казалось, прилагала к этому мало усилий. По сравнению с основной их пропагандой — антикоммунизмом, например — пропагандисты Гитлера уделяли движению защиты природы мало внимания. Даже после 1928-ого, когда фашисты в своей агитации переключились с городских рабочих на более деревенские части Германии, идеи защиты природы не стали значимой частью их кампаний.

Расизм и территориальная экспансия были центральными аспектами личного мировоззрения Гитлера, и ни один из этих вопросов не имел никакой существенной связи с защитой природы. С приходом диктатуры Гитлера защитники природы встретили одобрением некоторые его идеи, и два разных защитника природы в доказательство своей поддержки фюрера сказали следующее: «Человек никогда не должен впадать в заблуждение, что

он — властелин природы и Бог...: вместо этого он должен понимать фундаментальную необходимость главенства природы и понять, что даже его собственное бытие подвластно этим законам бессмертной борьбы». Но когда эти слова читать в контексте мировоззрения Гитлера, как и многие другие упоминания Гитлера о природе, они учат социальному дарвинизму, но не природоохране или защите окружающей среды. Когда Гитлер ссылался на природу, он делал это чтобы оправдать конкурентное следование национальным или расистским интересам, и в 1931 году сказал: «Каждый здоровый народ имеет природное право на расширение территории своего обитания (экспансию)».

Несколько ученых отметили вопиющее противоречие между смотрящим назад пасторализмом, который был таким соблазнительным для некоторых нацистов, и между планами по завоеванию мира, которые были центральными для Гитлера. Второе противоречие вспыхнуло между нацистскими расистами, которые настаивали на том, что только гены формируют народ, и энвайронменталистами (защитниками окружающей среды), которые считали роль окружающей среды центральной в формировании национального характера. Сам фюрер, казалось, не был обеспокоен этой несогласованностью. Для него защита природы была чуть больше чем причудливая опора сцены для его разворачивающейся драмы мирового доминирования и расового истребления.

Несмотря на убеждения Гитлера, партийная машина пропаганды оппортунистически использовала (эксплуатировала) многие темы помимо расы и территорий обитания. Учитывая, каким широким был список таких тем, кажется немного странным, что вопросу защиты природы

уделялось столь малое внимание. Хотя общий акцент на антимодернизме был характерен для большей части нацистской пропаганды, локализованные изучения, исследования выборных кампаний, и сборники нацистской пропаганды не имели какого-либо значительного упоминания в природоохране. Более того, даже после объединения партийной нацистской бюрократии с специализированными подразделениями фермеров, учителей, студентов, архитекторов, докторов и других людей, ни природоохрана, ни защита родины не получили собственного департамента. Мое исследование различных нацистских деклараций показывает схожую картину отсутствия упоминания об природоохране.

Чтобы предоставить более систематический анализ присутствия природоохранительных комментариев в пропаганде нацистов, я исследовал выборку статей из центральной партийной газеты «Народный обозреватель». В моей выборке на первых страницах редко встречается комментарии по окружающей среде, но когда были тщательно исследованы целые номера, упоминания об окружающей среде (преимущественно краткие) встречаются в около 35% изданий. Более того, в каждом случае обсуждения окружающей среды редакторы находятся на стороне защитников. Когда они поясняли причины своей поддержки природоохранителей, редакторы игнорировали соображения научной экологии, публичного здоровья и другие рациональные расчеты. Вместо этого, достаточно предсказуемо, они проповедовали эстетические ценности или, чаще всего, народный аргумент, что защита природы сохраняет силу нации.

Когда «Народный обозреватель» обсуждал природоохрану, как и прак-

тически все другие издания, он крутил эту тему вокруг националистских или расистских взглядов. Например, в нескольких историях с обложек про вред природе от 15 апреля 1930 года эта газета сообщала, как французские оккупационные войска в Сааре (преимущественно немецкая территория, оккупированная Францией до 1935 года и, следовательно, ставшая болезненной темой для националистов) намеревались спилить лес, который входил в состав «одной из наибольших нетронутых лесных территорий Германии...и настоящего природного парка». Нацисты похожим способом эксплуатировали и кампанию против жестокости к животным. Во время крестового похода по принятию всестороннего закона по защите зверей, который мог бы не только объявить вне закона вопиющие издевательства над животными, но и большинство научных тестов над животными, также, как и ритуальные массовые убийства евреев, Гитлер объявил, что является решительным противником жестокости к животным, и что издевательства должны быть запрещено на всей территории новой Германии. Конечно, в своей публичной агитации нацистские пропагандисты сконцентрировали свою атаку на массовых ритуальных убийствах евреев. В апреле 1930-ого личный юрист Гитлера и будущий генерал-управляющий захваченной Польши, доктор Ханс Франк, выступил в Мюнхене перед конклавом любителей животных. Выступая после двух активисток из Англии и аполитичным экспертом медицины, который отрицал ценность для медицины тестов над животными, Франк сфокусировался исключительно на вменяемой нацистам в вину бесчеловечности массовых убийств евреев. По его инициативе ассамблея приняла резолюцию, провозгласившую, что

«придет время для спасения животных от порочного преследования отсталых недочеловеков». В резюме, партийная нацистская газета, казалось, эксплуатировала природозащиту и сопутствующие проблемы, чтобы разжигать энтузиазм по отношению к более важным для них темам.

Последующая оценка позиции нацистов по отношению к вопросам окружающей среды во время подъема партии затрудняется всепоглощающим господством экономических проблем с 1929 по 1933 год. Только изредка вопросы природозащиты просачиваются в дебаты в национальных и государственных законодательных органах. Когда так случалось, они были окрашены беспокойством о безработице, как, например, во время обсуждения потенциала по созданию рабочих мест от увеличения ассигнований на строительство каналов и скоростных дорог. Однако, помня о таком ограничении, данные о дискуссиях в Рейхстаге рассказывают и о других путях того, как нацисты соблазнили и переманивали на свою сторону природозащитников.

Во время тех редких случаев, когда нацисты говорили на природозащитные темы в законодательных органах, их ремарки имели те же черты, очевидные и для выпусков «Народного обозревателя», как ксенофобический национализм и анти-семитизм. Эти характеристики можно увидеть и в выступлении нацистского депутата Зигфрида Каше, который был политическим журналистом и офицером штурмовиков. Каше взял слово во время обсуждения затопления Силезии в 1930-ом. Это мероприятие могло бы вызвать изучение последствий уничтожения лесов или осушения рек, но для Каше отчеты о жертвах наводнения в первую очередь напомнили борьбу между Германией и

Польшей за доминирование на этих восточных территориях. Когда его речь углубилась в высокопарные речи о напряжении между немцами и поляками, президент Рейхстага наконец призвал его к порядку, прося вернуться к вопросу выходящих из берегов рек. Каше возразил возмущением в сторону правительственных ограничений нацистских демонстраций в районе польской границы. Снова призванный к порядку, он пожаловался, что президент находится в заговоре с целью сорвать откровенный разговор о поляках. К удивлению, ему было разрешено продолжить, и он предложил план по сбору денег для жертв наводнения, — отменить грант Рейха на 125 млн марок, запланированных на возмещение чрезвычайных расходов на оборону Пруссии. Эта ошеломляющая сумма была утверждена, по словам Каше, для обеспечения защиты полиции на параде. На этом комментарии, его прервали, и Каше закончил выступление.

Бессодержательность нацистской пропаганды в определенных вопросах природозащиты может быть еще более ярко выделена на фоне контрастирующими взглядами социал-демократов. В том же самом обсуждении наводнения 1930 года депутат-социалист предложил более тщательное изучение возможной связи между наводнением и непрерывной вырубкой лесов. В других дебатах, изучавших причины спада рождаемости в Германии, четким контрастом нацистскому спросу на генетически-чистых детей, другой социалист предположил, что эти сокращающиеся числа могли бы даже дать преимущества немецкой окружающей среде. Еще более впечатляющие доказательства поддержки социалистами защиты окружающей среды появились в законопроекте защиты города. Этот закон делал акцент на

незаменимости планирования городской и пригородной среды, призывая к защите лесов и ферм от городского вторжения, выступая в защиту «зеленых пространств» в черте и за чертой города, «защиты внешнего вида пригорода, сохранения памятников, созданных природой и человеком, ... каждого дерева, кустарника или леса, земельных или водных просторов, ... путей для пешего туризма» на территориях лесов и берегов. Отметенный в сторону нацистским захватом власти, этот законопроект никогда не станет законом.

Наверное, нацистская пропаганда наиболее близко подошла к природо-защите, когда проповедовала идеология крови и почвы. Перед исследованием того, как нацисты эксплуатировали доктрину, нужно сначала отметить, что не все нацисты ее придерживались. Некоторые, такие как доктор Джозеф Гоббелс — партийный мастер пропаганды, предпочитал более современные взгляды, и сам Гитлер, казалось, выбрал двусмысленную серединную позицию между реакционерами и модернистами, играя то за одних, то за других, сохраняя, таким образом, свою свободу действий.

Когда нацисты использовали пропаганду «крови и почвы», она мощно интегрировала разные жалобы на современное общество. Глубоко реакционистская, она нахваливала добродетели коренного крестьянства, одновременно осуждая разрушение традиций, коллапс социального порядка, распад морали и, возможно, наименее видный пункт из этого списка — разрушение природы. Среди тех, кому нравилась линия пропаганды «кровь и почва» наиболее заметным был Ричард Вальтер Дарре, мастер партийной агитации в сфере сельского хозяйства, и Альфред Розенберг, главный партийный теоретик и директор

ее культурной части — Лиги борьбы за немецкую культуру.

Лига борьбы Розенберга, основанная в 1929ом, была призвана защищать подверженную опасности нордическую расу от опасности культурного большевизма. По мнению Розенберга, эта опасность проявлялась во многом, но одним из наиболее четких признаков загрязнения немецкого народа было распространение дегенеративного современного искусства и распространенное принятие международной, «асфальтной» культуры, созданной в метрополисах. «В середине очевидно всеобъемлющей волны интернационализма», кричал манифест Лиги борьбы, «величайшим событием нашего времени является появление нового сознания исконных немецких ценностей души, новое открытие глубины корней каждой культуры и всего настоящего, законной государственности в крови и почве». Лига борьбы протестовала против уродования родины чужеземной архитектурой, и провозглашала свою солидарность с каждым, кто старался защитить и сохранить чистоту родной почвы. Чтобы помочь в воспитании немецкого населения в сугубо-нордическом стиле, офис Розенберга составил Национальную социалистическую библиографию, которая содержала 400 произведений. Заметно было отсутствие в ней работ Шиллера, Гете и других культурных светил, зато включена была «Природная история немецкого народа» Вильгельма Хайнриха Рия. Также как и «Земля немцев» Еужена Дизеля. Перечислены были две книги Германа Лёнга, как и книга Вальтера Шонихена «Магия дикой природы Германии». Кроме этих работ, библиография Розенберга содержала почти десятков названий, которые повествовали либо о силе крестьянства, либо о вреде городов.

Центральная партийная газета нацистов «Народный обозреватель» как эхо повторяла антиурбанистический жаргон Лиги борьбы. Напоминая, что «деревня уже не имеет тех масштабов, как до всплеска молодости нашего народа», газета жаловалась, что «влияние метрополиса чрезвычайно возросло. Его асфальтная культура разрушает деревенское мышление, сельский образ жизни и народную силу». С перспективы биологического расизма большие города нанесли себе ущерб подрывом расовой чистоты немецкого народа. Ссылаясь на статистические доказательства, нацисты кричали, что процент рождаемости скандинавов в городской местности стремительно упал, тогда как процент рождаемости у менее ценных, иностранных, элементов, повысился. Нацистские пропагандисты никогда слишком не волновались об однородности немцев, даже когда жаловались на нехватку места для жизни в своей переполненной стране, но вместе с тем сетовали на вероятность вымирания немцев.

Этот обзор темпов рождаемости иллюстрирует, что угрозы для крови и почвы, перечисленные нацистами, не носили экологический характер. Напротив, наиболее часто упоминаемыми угрозами были иностранные и еврейские эксплуататоры, которые тянули Германию вниз и высасывали ее экономику. Такое же отсутствие экологического понимания было и в политической платформе по сельскохозяйственному сектору, построенной в 1930м. Чтобы оправдать свое особое внимание к фермерам, этот документ называл крестьян «главным носителем немецкой генетической наследственности, источником молодости народа, и опорой обороны нации». В недавнем упадке фермеров они винили еврейскую налоговую политику, еврейских оптовиков и международ-

ную конкуренцию. Их ответные меры включали протекционистские таможенные тарифы, запрет спекуляций, послабление налогов, и внутренняя колонизация покинутых земель. Как и остальные экономические манифесты нацистов, Аграрная Платформа 1930ого в первую очередь преследовала цель получения голосов, а не увеличение продуктивности и достижение автаркии. Бесплезно искать в этом документе меры, связанные с защитой окружающей среды. В том же духе, программа борьбы с безработицей 1932 года отстаивала усиленные проекты, такие как осушение 8,5 млн. акров болот и культивация 2 млн. акров торфяных местностей — предложения, которые поставили внушительный бланш природозащитникам.

Отстаивание Ричардом Дарре интересов крестьян не отличалось от описанной выше картины, кроме разве что его большей компетентности в науке сельского хозяйства. После службы на Первой мировой войне, Дарре получил научную степень по агрономии, с особым ударением на разведении помесей скота. Его патриотизм и интерес к евгенике отвели его к кругам народного национализма и в 1930-ом он присоединяется к нацистской организации. В качестве партийного эксперта по фермерству, он принял на себя важное задание добычи голосов сельских жителей для Гитлера. Его успех в этом деле поднял его на вершину в партии. В 1933-ем Дарре влился в нацистский режим в качестве министра сельского хозяйства, и вскоре после этого он был награжден грандиозным титулом Сельского Фюрера Рейха.

В отличии от некоторых других экспертов партии по вопросам расы, Дарре настаивал, что скандинавы не были кочевниками, а скорее произошли от крестьян. В стиле популиз-

ма он утверждал, что скандинавские крестьяне создали и защищали свою культуру от развращенного влияния аристократов и епископов на протяжении столетий. В резком утверждении того, что большая часть нацистской пропаганды предпочитала приукрашивать, Дарре считал Христианство иноземной испорченностью, и отстаивал восстановление поклонения Тору и другим скандинавским богам. Согласно Дарре, истинные творцы немецкого характера были фермеры. В его анатомически запутанной формулировке национальные фермы были местом «где кровь людей пускает корни глубоко в родину... из которой долгое время получает ту жизненно-необходимую силу, которая образует их особый характер». Дарре утверждал: «Вынуть немецкую душу из природного ландшафта значит убить его».

Показывая, какое место в мировоззрении Дарре влияние крови доминировало над влиянием почвы, он заявлял, что пересадка урбанизированных немцев в сельское окружение не гарантировало бы возрождение силы крестьянства. В городах нордическая кровь была безнадежно загрязнена иностранными примесями. Поэтому единственной надеждой для расовой регенерации было выживание фермеров и их ферм. Они должны были быть сохранены и ширится как «резервуары для лучшей немецкой крови». Для создания новой аристократии нации, Дарре поддерживал разделение женского населения страны на 4 класса, согласно их генетических особенностей, с возможностью репродуцироваться только для первых двух классов. Он также разрешал делить жену с генетически-подходящими гостями семьи и проповедовал убийство неполноценных детей. Дарре с одобрением отмечал, что древние немцы потопили в болоте всех «тру-

сов, непригодных к борьбе и людей с презренными телами... (сегодня мы имеем для этого возможность стерилизации)». Чтобы выжать природозащитный смысл из Дарре или из любого из нацистских пропагандистов, нужно было бы проигнорировать основную массу их изречений. Так как под слоем антимодернизма принцип расизма был главенствующим в их мировоззрении.

Однако, хотя и национальный социализм и защита природы пришли к согласию по нескольким значительным вопросам, чтобы переехать в нацистский лагерь природозащитник должен был принять явный расизм. Определяя сложность такого решения, среди многих культурных групп, которые до конца 1930 присоединились к Лиге борьбы за немецкую культуру Розенберга, не было ни одного общества защиты природы. И сохранившиеся записи говорят о том, что в выборке из 18 известных лидеров природозащитной кампании только один, профессор Пауль Шульце-Наумберг, формально присоединился к нацистской партии до прихода к власти Гитлера.

Архитектор, спроектировавший элегантные загородные домики для богатых, Шульце-Наумберг стал опережающим сторонником и движения защиты родины, и движения защиты природы. С 1904 до 1914 он служил президентом немецкой Лиги защиты родины. Его известная книга «Формирование ландшафта человеком» в словах и рисунках задокументировала многие жалобы природозащитников-современников. Она отображала твердое понимание экологической роли лесов и последствий шахтовой и полосовой горной разработки. Она констатировала ухудшающееся положение немецких водоканалов и призывала к всестороннему федерально-

му закону по защите водных ресурсов. Она даже советовала биологические пути контроля насекомых-вредителей, споря, что уверенность в ядах была эквивалентна изъятию одной сломавшейся шестерни из часового механизма природы без мысли о том, что это может повредить всему механизму. Несмотря на это понимание, основа книги Шульце-Наумберга была эстетической. Основная масса ее жалоб была нацелена на уродство современного развития, что доказывалось в билбордах и в неискусной архитектуре современных городов и промышленности. Книга не отстаивала полную защиту природы от культуры, «но отстаивала всемирную, гармоничную культуру, которая с почтением объединяет использование Земли».

В этой популярной книге Шульце-Наумберг выражался мало, иначе это связало бы его с нацистами. Даже третье издание, которое вышло в 1928 году, не содержало расизма. Единственный намек на фашистские симпатии содержался в одном предложении, которое осуждало «гнетущее распространение международной демократии, которая более не связана с родиной». И примерно в то же время, как он опубликовал этот комментарий, Шульце-Наумберг присоединился к группе писателей в Мюнхене, в которой были и Дарре с Розенбергом. В этом окружении Шульце-Наумберг стал одним из основателей и любимым оратором Лиги борьбы за немецкую культуру Розенберга. Он также помогал организовать архитектурное подразделение своей нацистской организации. В дополнение, он предоставил свой дом для Дарре, когда тот писал «Новая знать из крови и почвы», и в благодарность Дарре посвятил книгу Шульце-Наумбергу. В 1930-ом Вильгельм Фрик, нацистский министр внутренних дел Турингии,

назначил Шульце-Наумберга директором известной школы в Ваймаре. В ноябре того года Шульце-Наумберг присоединился к партии, став ее 347 541-ым членом. В 1932-ом он был избран нацистским делегатом в Рейхстаг. В том же году он опубликовал «Битва ради искусства», которая стала его вкладом в серию книг из официальной нацистской прессы. В этой народной тираде Шульце-Наумберг кричал, что расовая чистота была наиболее актуальной задачей родины. Он показал последствия загрязнения, указав на современное искусство, жанр, о котором с пренебрежением отзывался как о жалком продукте «животных недолгодей». В книге «Расово-связанное искусство», опубликованной 2 года спустя, Шульце-Наумберг предупреждал, что падение древней Греции и Рима было результатом «грехов против крови». Но из-за недавнего становления нацистского режима, Германия не нужно было волноваться. «Расовая наука» стала основой государства. «Устранение менее достойных более не является непрактичной идеологией», злорадствовал он, «но оно скорее прочно укоренилось в законодательстве». И с гитлероподобным предчувствием он пророчествовал «Если сильный антагонизм между немцами и евреями в конце концов приведет к катастрофе, ... не последним вкладом в это будет ненасытное расовое самовывдвижение евреев, которое вскоре истощит терпение даже самых терпеливых немцев».

Случай Еужена Дизеля, соредактора газеты «Немецкий обзор» и автор нескольких книг, может выполнить важное задание опровержения мнения, что каждый антимодернистский критик современного немецкого общества хотя бы тайно, но разделял взгляды Шульце-Наумберга на расу

и нацию. Кроме каталогизации прямого ущерба природе, в своих различных трудах Дизель казался часто разделял предпосылки народных националистов. Он принимал идею, что природная среда формирует национальный характер, и он оплакивал современный «триумф техники, организации, чиновничества над землей и крестьянами». Розенберг считал книгу Дизеля «Земля немцев» вполне идеологически-приемлемой для включения ее в библиотеку 400 книг. И все же по вопросам расы и агрессивного национализма Дизель разделял компанию нацистов. По Дизелю, расы в Европе настолько смешались, что расовая концепция была бесполезной для пояснения национального характера. С кое-какой смелостью в книге 1934-ого года он написал, что «сегодня можно часто услышать самые ненавистные и наименее благородные выкрики людей по поводу расы». В более ранней книге он ясно осудил антисемитизм, заявляя, что «немцы и евреи весьма тесно связаны в своей ментальности, гениальности и судьбе». Имея более острый глаз чем большинство так называемых расовых экспертов в нацистской партии, Дизель заметил, что «нельзя больше обобщать ни немцев, ни евреев, так как и у тех, и у других очень много разных типов людей». Тем не менее, Дизель сам обобщил, что «евреи всегда были связаны с Германией особенно тесными, почти братскими узами», и он настаивал, что близкая связь между немцами и евреями была причиной некоторых великих достижений немцев в музыке, поэзии, науке и технике. Дизель также нападал на ксенофобический национализм, говоря, что он был инструментом «праздной страсти к самоутверждению масс». Согласно мировоззрению Дизеля, национальная преданность долж-

на была трансформироваться и возвыситься до пан-европейской преданности. Распространяя такое мнение, не удивительно что Дизель никогда не присоединялся к нацистской партии. Правительственное расследование его взглядов, проведенное в 1944-ом году, обнаружило, что он жил уединенной жизнью и не проявлял ни малейшего интереса к текущей жизни. «Но его жена постоянно и с негативом отзывалась о нашей современной государственной системе», добавлял исследователь.

Весной 1933 года во время первых месяцев прихода нацистов к власти, вся немецкая нация претерпела процесс синхронизации с нацистскими идеалами и организационными принципами. Хотя эта трансформация сопровождалась умеренными уличными беспорядками и арестом приблизительно 25 тысяч политических диссидентов, большинство уже существующих политических и других организаций, добровольно подстроили себя под новый режим. Некоторым даже удалось проявить некий энтузиазм.

Природозащитники не были исключением. Несмотря на скудность нацистской пропаганды, обращенной именно к их интересам, когда нацисты встали у власти, большинство природозащитников с радостью начали соответствовать этому новому режиму. Журнал Лиги защиты природы Баварии провозгласил: «Не было более удобного времени для нашей работы, чем настоящее, под свастикой национального правительства». Добровольно содействуя грядущему возрождению Германии, этот журнал определил свою задачу как «превращение любви к природе в великую любовь к нации и родине». Возвещая о ключевой связи между народными природозащитниками и кредо национальных социалистов, редакторы до-

казывали, что «Природа определяет расу и все проявления расы».

Следовательно, природа должна быть надо всем сохранена в своей самобытности» (термин для «индивидуальности», который использовали нацисты для обозначить расовые особенности). Принимая националистскую окраску дня, редакторы подытоживали: «Немец не немец без немецкого пригорода».

Ежегодный отчет Лиги защиты птиц показывал такой же энтузиазм по отношению к новому режиму. Вспоминая истощение и отчаяние начала 1930ых, эта ведомость ликовала: «Произошло чудо... Германия собралась с духом». Показав, как немецкие корни в «почве и крови» восстанавливают страну, этот памфлет делал вывод: «Мы радостно поддерживаем фюрера, дав обет использовать ради его целей всю нашу силу». В дальнейшем, в течении 1930ых, ежегодные отчеты этой организации праздновали триумфы Гитлера: уменьшение безработицы, перевооружение, возвращение Саара, присоединение Австрии, и другие события, которые никак не относились к природозащите.

Нацистская тирания ожидала большего от групп и отдельных людей, чем легкое провозглашение поддержки. Она требовала включения принципов национального социализма в их речи, книги, и организационную структуру. В этой новой атмосфере тоталитаризма многие природозащитники присоединились к клокотанному пению за Гитлера. Случай доктора Конрада Гуентера, автора десятков книг по защите природы и члена и Общества национальных парков, и Общества защиты птиц, показывает этот разительный метаморфоз. Как отмечено выше, до 1933-его работы Гуентера содержали элементы народной мысли, но в 1918 он подчерк-

нул, что защита природы является международной обязанностью, выполнение которой должно напоминать людям об их общей человеческой природе. Несколько лет спустя его опубликованные обоснования уважения природы включали восхищенные упоминания Индийской философии. А его отчет 1927 года о его путешествиях в Бразилию содержал исключительно уважение к ее местному красному и черному населению. В самом деле, тогда Гуентер поддерживал политику бразильских властей о расовом смешении. Но после января 1933-его Гуентер интеллектуально сдался Третьему Рейху. Теперь он считал прекрасным лидерство фюрера, и прославлял мудрость правительства, которое сконцентрировало власть в одном человеке. Он как попугай повторял расистскую тарабарщину о размерах черепа и, имея натренированный глаз натуралиста, сообщал, что люди со светлыми волосами и голубыми глазами любят природу больше чем другие. И конечно он повторял модную идею, что защита природы служит расовой гигиене. Каким-то образом Гуентер пропустил первую волну зачислений в ряды партии в 1933-ем, а начиная с 1934-ого, партия временно закрыла прием в свои члены. Но когда списки были снова открыты в 1937-ом, Гуентер вступил в ряды.

Профессор Вальтер Шоенихен, директор государственной прусской агенции по защите природы, чтобы попасть в списки правящей партии действовал более оперативно. Его заявка была одобрена сразу через месяц после назначения Гитлера канцлером. Как отмечено было выше, работы Шоенихена в 1920тых уже отражали народную риторику про расу и нацию, которая так легко появилась вместе с национальным социализмом.

В качестве дополнительной иллюстрации его рьяного патриотизма в 1928-ом, когда он взял на себя руководство важного журнала по защите природы «Сохранение природы», он немедленно меняет подзаголовок с мягкого «Сохранение природного исторического наследия и сопряженные достижения, в частности защита птиц» на уверенно германский «Ежемесячно для всех друзей немецкого отечества». Когда новый режим вступил в силу, Шоенихен разместил на обложке журнала фото 5 юнцов — последователей Гитлера, исследующих природные тропинки в немецкой деревне. Его эссе, которое прилагалось, для своего названия позаимствовало угрожающую фразу Гитлера «Немецкий народ должен быть очищен — а что же немецкая деревня?» в этой статье Шоенихен, казалось, предположил, что все это время был скрытым нацистом. После ругательств в сторону потока «анти-немецкой» культуры, которая практически потопила Германию в последнее время, он хвалил попытки нацистов очистить театр, медиа, искусство и образование. Затем он признал три фактора, определяющих немецкий характер: расовая наследственность, исторический опыт, и природная среда, но среди них признавал неоспоримое главенство за расой. «Существуют фундаментальные, непреодолимые различия между арийцами и неарийцами», утверждал он, «например, в областях мировоззрения, различия полов, отношения к природе и т. д.». Он объявлял большую благодарность фюреру за отделение этих враждебных элементов, которые стараются найти убежище в нации.

Шоенихен также играл видную роль в привлечении существующих природозащитных групп в нацистскую главенствующую группу, Лигу

фольклора и отечества Рейха, которая была основана в октябре 1933-его. На инаугурационной конференции в своих ремарках Шоенихен развивал свою идеологию, говоря, что «Защита природы опекается большим, чем исчезающими птицами и редкими растениями, большим, чем дюнами, болотами и лесами... Она опекается людьми, и — здесь у нас — немецкими людьми». Он доказывал, что внутри природозащитного движения эта идея высказывалась постоянно на протяжении многих лет. Но до 1933-его, согласно Шоенихена, «слова «народный» или «национальный» могли произноситься только мягко, и кто бы ни произносил их, его никто в официальной Германии не слушал, пока не пришел фюрер, и силой проповедования не склонил на свою сторону все сердца: покончив с либерально-марксистским рационализмом, который привел всю нашу культуру к пути, отчужденному от природы... А вернул к древним силам крови и почвы, которые являются источником жизни для всего народа».

В его книге 1934-ого года, «Защита природы при Третьем Рейхе», Шоенихен ликовал, что с появлением Лиги фольклора и отечества Рейха, выводящая из строя фрагментация прежнего зоозащитного движения преодолена. Теперь он ожидал от нацистского режима великих достижений. В частности, он думал, что Гитлер покончит с утрированным уважением к правам собственности, которое расстроило столько природозащитных проектов. Теперь можно было вешать наружные плакаты. Теперь можно было запретить вырубку и монокультурность лесов. Теперь можно было основать комплексное планирование использованием деревенской земли. Шоенихен даже ожидал, что нацистский слоган «Общее благопо-

лучие превыше индивидуального» сместится от экономики потребления в сторону восстанавливаемых ресурсов так, что будущие поколения немцев будут располагать необходимыми средствами для процветания. Шоенихен ожидал, что все эти перемены произойдут на основе нацистского «Сообщества людей», которое очистит преувеличенный, анти-немецкий интеллектуализм последних годов и восстановит исконное, эмоциональное и мистическое мировоззрение чистых арийцев. Согласно Шоенихену, глубинная связь с природой была характеристикой этого арийского мировоззрения. «Не величественные залы, не храмы», писал он, но скорее «святой вереск есть место, где наши предки с торжественным чувством ощущали близость Бога».

Доктор Вернер Линднер, инженер, сменивший Шульце-Наумберга на посту секретаря немецкой Лиги защиты родины в 1920-тых, показал, что техническая подготовка не служит залогом иммунитета от мощного удара нацистской иррациональности. До 1933-его Линднер был приверженцем антимодернизма, что было почти универсальным явлением в кругах природозащитников, и даже после прихода к власти Гитлера, он отсрочил свое присоединение к партии до 1938 года.

Несмотря на это, уже в 1933-ем этот известный природозащитник присоединился к Гуентеру и Шоенихену в прославлении нацистских принципов. На конференции, когда была основана Лига фольклора и отечества Рейха, он объявил свои ожидания, что новый режим отречется от материалистичного, утилитарного подхода к природе, который был характерен для Веймарской эры, а вза-

мен будет непоколебимо уважать «законы хозяйства природы». Получив впоследствии высокий пост в Третьем Рейхе, Линднер осудил предшествующую «капиталистично-либеральную эру», за разрыв органических корней общества и делание человека и природы рабами машин. В мрачной, мистической терминологии, такой типичной для национального социализма, он приветствовал приход фюрера, как «космическое событие», которое разожжет настоящий дух немецкой культуры. Как наглый барабанщик третьего рейха, Линднер морализировал: «В новой Германии работа каждого народного гражданина должна быть посвящена родине и ее культуре: только в этом случае возможно спасение народа и немецкого отечества».

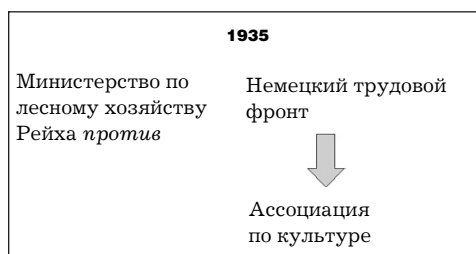
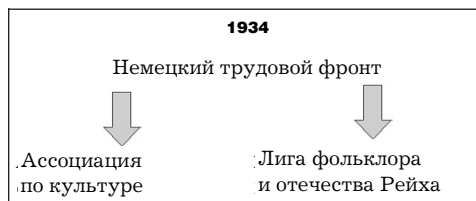
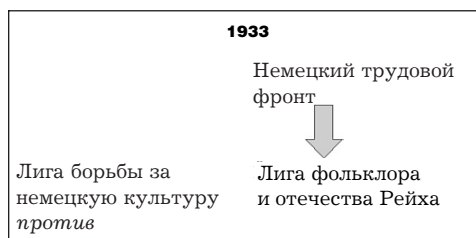
После захвата власти нацистами, большинство авторов в своих работах восхваляли новый режим. В его прекрасном в других отношениях исследовании о разрушении человеком природной среды, экономический географ профессор Эдвин Фелс счел благоразумным включить в него целую главу, повторяющую линию нацистов по вопросам культуры и расы. В других книгах единственным видимым доказательством нового порядка в Германии было несколько восторженных слов о Гитлере в предисловии и послесловии. Понятно, что некоторые из этих комментариев были формальными, как были и некоторые приветствия Гитлера на конгрессах природозащитников. Но поданные рядом с шумным энтузиазмом влиятельных лидеров, таких как Шульце-Наумберг, Гуентер, Шоенихен и Линднер, эти теплые комментарии усиливали впечатление, что немецкие природозащитники едины в поддержке Третьего Рейха.

Часть II

ОТНОШЕНИЕ НАЦИСТОВ
К КЛУБАМ ЗАЩИТЫ
ПРИРОДЫ

С точки зрения нацистов, интеллектуальная перестройка немецкой защиты природы имела успех. Организационная реструктуризация, однако, имела смешанный результат — не из-за открытой оппозиции существующих природозащитных групп, но скорее из-за неустанной внутренней борьбы и подведомственных ссор, которые олицетворяли внутреннюю работу нацистского государства. В течении 1933-34 два агенства соперничали за контроль за природозащитным движением. В порядке их основания это были 1 — Лига борьбы за немецкую культуру Альфреда Розенберга и 2 — Лига за фольклор и отечество Рейха, Вернера Хавербека. Еще более усложняя вопрос, последним было подразделение быстрорастущей империи Роберта Лея — Немецкий трудовой фронт. Схема ниже поможет распутать этот запутанный вопрос.

Изначально организация Розенберга вышла на первый план со своими участниками, распухшими с 6 тыс. в январе 1933 до 38 тыс. в октябре того же года. Но Лига борьбы официально не состояла ни в одной из партий правительства, и такое состояние позволяло другим амбициозным нацистам подрезать Розенберга. В июне 1933го началась кампания, при которой были объявлены планы по основанию конкурента — Лиги за фольклор и отечество Рейха. Помимо официального правительственного статуса, группа Хавербека пользовалась и другими преимуществами. Ее патроном был профессор Карл Александер фон Мюллер, известный исто-

рик, который был хорошо связан с существующими природозащитными группами, и который имел тесные связи с заместителем фюрера, Рудольфом Хессом. Считается, что именно фон Мюллер убедил Хесса игнорировать предшествующие директивы, благосклонные к Лиге борьбы Розенберга, и вместо этого поддерживать Лигу Рейха. В июне Хесс официально объявил, что правительство Рейха признало группу Хавербека как «единственную контролирующую лигу» в «области этнических покушений». Из-за народной связи между культурой и природной средой, природозащита могла бы быть объединена под этим мандатом. Новая организация быстро получила поддержку от Шоенихена, Линднера и других известных особ из зоозащитных клубов и организаций, многие из которых присоединились на учреди-

тельной ассамблее Лиги Рейха в городе Кассель в октябре 1933.

Так как Лига Рейха обычно разрешала зоозащитным группам, входящим в ее зонтичную структуру, оставлять у руля лидеров, избранных до 1933-его, большие и долго-существующие природные группы стекались под ее знамя. К началу 1934-ого немецкая лига защиты родины, лига защиты природы Баварии и лига защиты птиц все изменили свои названия, чтобы показать, что теперь они подконтрольны Лиге Рейха. Они также провели внутреннюю реорганизацию согласно принципам фюрера, предоставляя всю власть принятия решений единому лидеру. Во всех этих трех организациях у власти на новых условиях остался тот же, кто и был до 1933-его.

Быстро идя под воду, в середине лета 1934-ого Лига борьбы Розенберга возродила себя как национальная социалистическая ассоциация по культуре. В запутанном расположении, но единственном типичном для нагромождения органов власти нацистского режима, Национальная социалистическая организация по культуре, как и Лига Рейха, подчинялась постоянно-расширяющемуся рабочему фронту Лея. Последующие публичные объявления в зоозащитных журналах отображали значительную неуверенность в том, кто контролирует зоозащитные группы в Третьем Рейхе — Лига Рейха или Национально-социалистическое культурное общество. Вопросы прояснились позднее, в 1934-ом году, когда Хавербек принял командование Культурным обществом и позволил Лиге Рейха постепенно скрыться из виду. Новообъединенный контроль над природозащитными кампаниями продлился недолго. В 1935-ом принятый новый Верховный закон о зоозащите наделил главу лес-

ничества Рейха Германа Гоеринга властью надзирать над всеми природозащитными группами. Гоеринг никогда не уделял много внимания этой части своей юрисдикции, так как у него было много других, более срочных проектов для надзора.

Беспорядочный набор юрисдикций и безучастных правоприменений на национальном уровне означал, что нацистская классификация частных природозащитных групп была неравномерной. Одна крайность заключалась в том, что в некоторые группы, как Общество Изарской долины и Горный патруль нацисты проникали слабо. Другие общества носили знаки видимого подчинения, чтобы избежать вмешательства нацистов в их внутренние дела. Казалось, именно это было мотивом для Лиги защиты природы в Баварии, которая в 1939ом убедила местного нацистского лидера Адольфа Вагнера стать официальным защитником группы. Другая крайность была в том, что лидеры Лиги защиты птиц усердно поддерживали нацистов. Их ассамблеи и публикации слепо повторяли нацистскую пропаганду. К тому же их организация эксплуатировала официальную поддержку режима, чтобы пожирать меньшие группы-конкуренты любителей птиц.

Нацистская регламентация правительственных агентств по природозащите была более основательная и существенная чем обхождение с частыми группами. После принятия Верховного закона о природозащите все государственные организации по защите природы должны были признать лидерство вотчины Гоеринга — Министерства лесов. Впредь все назначения в эти организации должны были проходить через подчиненных Гоеринга. Во время этого процесса, нацисты тща-

тельно исследовали политические досье кандидатов.

Нацисты также контролировали участие в новообразованных профессиональных палатах — органах, которые контролировали деятельность всех профессий в Германии. Используя эти агентства, нацисты могли манипулировать карьерой кого хотели, включая членов природозащитного движения. В качестве одного примера они отказались от принятия в Союз журналистов Рейха Отто Гроссьяна, в 1920-тых лидера национальной группы природозащитников и с 1926 по 1928 редактора журнала Природа и родина, и таким образом прекращая его карьеру писателя. Хотя краткое уведомление об отказе не содержало причину, решающим должно было быть предыдущее членство сначала в Социально-демократической партии, а затем в коммунистической партии. Гроссьяна в его заявлении на членство утверждал, что вышел из рядов марксистов в 1930 и перешел к нацистам («Кратко говоря, я нашел лучшее мировоззрение», написал он в заявлении), однако это не было достаточным для очищения его досье.

Меняя судьбу левых индивидуалистов на судьбу левых природозащитных групп, случай Друзей природы, которых лига любителей природы из низшего класса легко относит к социалистам, о которых шло в главе 1, освещает несчастливую долю руководимого Гитлером так называемого клуба марксистских зоозащитников. Манифест Друзей природы 1932 года обозначил своими целями следующие: просвещать людей о красотах природы, пробуждать любовь к природе, распространять знания о популярных традициях и обрядах, пропагандировать защиту природы и поощряя здоровье, особенно молодежи, с помощью программ пешего туризма.

Хотя формально Друзья природы были независимы от политических партий, они набирали последователей практически исключительно из городского пролетариата, и таким образом, их члены были или социалистами, или коммунистами. К моменту прихода к власти Гитлера, Друзья природы построили 229 сельских домиков для своих членов по всей Германии, и количество членов организации выросло до более 100 тысяч.

29 марта 1933 года на основании анти-марксистских указов чрезвычайного положения, власти ликвидировали Друзей природы и конфисковали всю их собственность. Сохранились более поздние жалостливые письма от лидеров группы, которые свидетельствуют об их попытках увильнуть от запретов. 11 апреля чиновники национальной организации сообщили о резолюции своей группы, заявляя о поддержке «Народа и государства, и нации». 9 мая они с гордостью сообщили, что их группа перешла условные границы «Версальского Диктата», которые объединяют немцев Австрии, Швейцарии, Шлесвига, Богемии, Польши и Германии. Они также вспомнили, как члены их группы боролись и гибли в Первой Мировой Войне, и акцентировали на том, что их группой управляют немецкие «народные товарищи», которые пропагандируют защиту Родины, чтобы сохранить «немецкую сущность». Предполагая спасти себя путем отделения от коммунистов, они вспомнили, как их клуб был мишенью «фанатических атак коммунистов, которые хотели использовать группу в своих темных целях». Каждая большевицкая атака уверенно отражалась, сообщали они, добавляя, что в 1930ом около 50ти местных обществ были изгнаны за коммунистические склонности. Лидер группы в Людвигшафен испро-

бовал схожий подход, прося власть пощадить его клуб, потому что он не был «ни марксистской, ни еврейской организацией».

Это низкопоклонство ничего не достигло. Власти подтвердили свой указ о ликвидации и конфискации собственности, которая насчитывала четверть миллиона марок и 229 домиков. За несколько последующих лет крепкие дома Друзей природы пришли в упадок, пока громоздкая нацистская бюрократия откладывала вопрос их продажи. В конце концов, их потребовали обратно кредиторы или были розданы партиям и правительственным организациям. По словам бюрократа, который отвечал за операцию, прибыль от процесса едва ли покрыла понесенные затраты.

Судьба Друзей природы напоминает одну из основных причин, которую некоторые немецкие природозащитники отождествляли с нацистским режимом: устрашение. В конце концов, нацистский режим контролировал весь аппарат правительства, включая организации по обеспечению правопорядка. Демонстрируя шокирующую беспощадность и неуважение бывших конвенций закона, армия Гитлера подвергла политических оппонентов аресту, публичному побитию, и даже убийству. Люди, в частности политические левые, понятно боялись за собственную жизнь и за жизнь организаций, которыми они руководили. Этот страх мог парализовать протест.

Но другие обсуждения также привели к этой позиции жалобы, даже у левых. Некоторые природозащитники очевидно верили, что с помощью сотрудничества они могут направить новый режим в позитивное русло, поддерживающее защиту природы и другие похвальные цели. В ретроспективе эта точка зрения может показаться безнадежно-наивной или даже созна-

тельно слепой. Но спустя 18 месяцев нацистского режима, Шоенихен мог с определенной справедливостью заявить, что со времен захвата власти нацистами многое было достигнуто для природозащиты, чем в предшествующее десятилетие.

НАЦИСТСКИЕ МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРИРОДЫ

Доказательства симпатий к природозащитникам со стороны некоторых членов правительства Гитлера появились во время первого месяца работы правительства. В то время сессия кабинета рассматривала предложение права на железнодорожный путь по нетронутой долине Боде, живописному пятну, которое защищали от освоения различные режимы Германии с 1890-х годов. Теперь, в 1933-м Бернхард Руст, чье прусское министерство науки и образования заявило права на юрисдикцию над вопросами природозащиты,

переняло природозащитную традицию, восклицая, что «Долина Боде принадлежит к святым реликвиям наших предков». Железная дорога, сказал Руст, «значила бы осквернение этой территории». Герман Гоеринг сильно поддержал взгляды Руста, и предложение о железной дороге было аннулировано. Лишь две недели спустя природозащита снова начала претендовать на высокую важность, когда прусское министерство, теперь тщательно контролируемое нацистами, нарушило долгосрочное бюрократическое безвыходное положение и опубликовало детальный указ, который требовал ввести в действие закон о защите животных и растений, который был принят обратно в 1920-х. Искушая более ранее обещание, в ноябре 1933-го нацистское правительство приняло закон, запре-

щающий «ненужную» жестокость к животным. «Ненужность» определялась как жестокость, которая «не служила никаким рациональным, оправданным целям», условие, которое разрешало длительные научные и медицинские тесты над животными, но запрещало еврейский ритуальный забой скота. В следующем году Немецкий рабочий фронт, который, как мы видели, боролся за контроль природоохранного движения, сотрудничал с Лигой защиты птиц, чтобы спонсировать недельный семинар для своего персонала, целью которого было внушить знания о пользе и принципах защиты птиц. Вместе с тем, в 1934ом году правительство Рейха принимает закон об охоте, который в своих положениях о защите животных занимал место среди самых прогрессивных в мире в то время. В то же время одним ударом другой декрет запретил все билборды за пределами города. Тем временем, на локальном уровне нацистские администрации восстановили муниципальные леса и парки как часть программ по публичным работам, которые они обязались осуществить. Например, в Норсхайме городское правительство восстановило полуразрушенную средневековую стену и превратило части болот в озера с лебедями, окруженными лужайками и клумбами. В общем, площадь муниципальных парков увеличилась вдвое. Позднее в том же десятилетии нацистский режим содействовал созданию беспрецедентного количества новых природных заповедников. Показная любовь нацистов к природе проявилась и во время олимпийских игр 1938 года в Берлине, когда каждый золотой призер вместе с медалью получал молодой саженец дуба. Пересаженные по всему миру, по результату официального немецкого отчета Олимпийских игр, эти деревца должны были

стать прекрасными символами немецкой сущности.

На высшем уровне нацистского правительства Германн Гоеринг также символично поддержал природоохранную кампанию. Он стал Мастером Немецкой охоты, титул, который удачно сочетался с предыдущим его званием Мастера Немецких лесов. В этих двух ведомствах Гоеринг нашел возможность сочетать свои хобби с публичными обязанностями. У Гоеринга был особый интерес в 100 000 акров природного заповедника, которые окружали его собственность в Восточной Пруссии. Эту территорию он засаживал исчезающей флорой и фауной из Германии и всего мира, и он наслаждался показами своей работы численным гостям всех наций. В 1935-ом цитата Гоеринга из ведущего природоохранного журнала показала, что он запомнил основные народные заповеди, которые объединяли нацизм и защиту природы. «Глубокие и понимающие чувства к природе — основа каждой культуры» — писал он.

В присущей нацистским военачальникам манере, Гоеринг боролся за расширение его юрисдикции во всех направлениях. В процессе этого он стал автором законопроекта и главным получателем выгод от Верховного закона защиты природы 1935-ого года, центральной составляющей нацистской природоохраны. Инициатива этого национального закона исходила из министерства юстиции в 1935, ветви правительства, которая ранее не имела контроля над природоохранными вопросами. Конференция министров, собранная в феврале чтобы обсудить законопроект, переросла в отвратительный диспут по поводу сфер влияния, на которой представители министерства науки и образования Руста отказались одобрить потерю контроля над защи-

той природы. Подобно этому, рабочий фронт Лея отказался уступить юрисдикцию над любым проектом, включая природозащитные.

Вопрос оставался тупиковым, пока не появился новый закон из Верховного лесного ведомства, владения могущественного Гоеринга. В апреле Гоеринг лично вмешался, чтобы захватить сферу защиты природы. Его техника описана в следующем сообщении свидетеля телефонного звонка Гоеринга в Министерство науки и образования Руста: «Слушайте, господин Руст, что происходит с защитой природы? Я единственный, кто проводит надлежащую защиту природы. Вы согласны, что она переходит под мое ведомство? (пауза) О, но у меня есть леса и животные, поэтому защита природы больше подходит мне. ОК, вы согласны. Спасибо». Вся передача власти заняла только 90 секунд. Вскоре была написана финальная версия закона. Практически без дискуссий, он был принят на заседании кабинета 26 июня. После Гитлер, который был вегетарианцем, комментировал Гоерингу: «Сначала Вы защищаете животных, а потом отстреливаете».

Верховный закон защиты природы двумя способами установил острый разрыв с организационной традицией природозащиты в Германии. Во-первых, он игнорировал декады главенства природозащитных вопросов в Верховном ведомстве защиты природы. Это ведомство, которое происходило из прусской бюрократии по Конвенции 1906 года и было повышено до национального органа власти под национальным министерством образования во время Ваймарской республики, теперь было грубо понижено до субординационной позиции под ведомством Мастера имперских лесов. Во-вторых, новый закон узур-

пировал юрисдикцию индивидуальных штатов, которые в прошлом несли основную ответственность за природозащиту. Теперь различные штатные ведомства и органы должны были восстановить себя под управлением и контролем национального управления Гоеринга.

Если вред, вызванный такой разрушительной бюрократической реорганизацией, мог быть игнорирован, новый закон, казалось, воплощает в жизнь некоторые мечты природозащитников. Он не только защищал растения, животных, особые «памятники природы», и официальные природные заповедники, все из которых имели некоторую защиту в прежних законах, он также расширял защиту на «оставшиеся наделы ландшафта в дикой природе, защита которой по части редкости, красоты, ясности, или по части научного, этнического, лесного или охотничьего значения находится в общем интересе». Природозащитники ожидали, что это постановление станет основой для последовательного земельного планирования. С этой целью закон требовал от всех национальных, штатных и местных чиновников своевременно консультироваться с природозащитными властями перед принятием любых мер, которые могут породить значительные изменения в любой части «свободной сельской местности». Природозащитные власти могли даже запрещать изменения в частной собственности путем помещения земли в список защищенных мест. Перед изменением чего-либо на таких землях, необходимо было получить разрешение.

Чтобы быть точным, из компетенции закона были важные исключения, включая все армейские вопросы, «важные общественные перевозки» и «жизненно-важные экономические интересы». Также есть некоторые до-

казательства, что закон плохо исполнялся. Природозащитный консультативный совет, который должен был консультировать Гоеринга и других главных природозащитных властей, так никогда и не появился на свет, и правительственные власти за рамками защиты природы очевидно уделяли мало внимания требованиям закона. Новый закон также возлагал исполнение на штат неоплачиваемых волонтеров, рассредоточенных по всей стране. На практике этими чиновниками обычно были отставные защитники, которые имели мало представления о вопросах защиты природы, и которым в любом случае не хватало ресурсов или влияния для выполнения адекватной работы.

Несмотря на все недостатки, журнал Лиги защиты природы в Баварии восхвалял мужество и умение Третьего Рейха в принятии Верховного закона защиты природы, отмечая, что он «на все времена обезопасил самое ценное наследие прошлых веков нашего народа». Лига защиты птиц добавила свои поздравления, говоря, «Из глубины наших сердец, все, кто нежно любит и лелеет защиту природы, говорят спасибо Верховному бюро лесничества за выдающиеся достижения».

Даже когда нацистский режим выступал инициатором множества законов по защите природы, он также брался за значительные общественные проекты, которые угрожали значительным уроном окружающей среде. Преследуя главные свои цели — экономического возрождения и автаркии — Третий Рейх запустил большую программу по строительству дорог и освоению земель. Вальтер Шоенихен, наверно, говорил от имени всех защитников, когда признал необходимость этих проектов и попросил только, чтобы «хотя бы сокровища и ре-

ликвии немецкого отечества» были защищены от уничтожения. Но один защитник природы, Альвин Зайферт, предпринял инновационную попытку максимально защитить природную среду во время развернутых проектов развития.

Подготовленный как инженер, но по профессии архитектор, Зайферт первой своей целью ставил систему автобанов. В самом деле, эти суперкоростные дороги, одновременно символ национальной социалистической силы и стимул немецкого экономического возрождения, стали главной составляющей политики нового режима. Их строительство не останавливалось. На своем пике этот масштабный проект по строительству дорог трудоустроивал почти миллион рабочих. Он также стимулировал производство моторных транспортных средств, сфере, в которой Германия в 1920-тых отставала позади большинства индустриальных наций. В примечательной трансформации во время нацистского режима, между 1922 и 1937 годами количество машин, произведенных в Германии, увеличилось в пять раз, а занятость в этой сфере — в четыре раза.

В 1933-ем Зайферт отправил Фритцу Тодту, человеку, которого Гитлер назначил реализовать проект, меморандум относительно сооружения автобанов. Зайферт рекомендовал построить их так, чтобы они вписались в сельскую местность, причиняя как можно меньше вреда окружающей среде и ее красоте. С этой целью он побуждал избегать бесполезной вырубки лесов, и чтобы за каждое срубленное дерево сажалось 10 новых. Он пропагандировал, чтобы при строительстве дорог избегали прямых линий, и чтобы вместо этого дороги осторожно следовали изгибам ландшафта. Он настаивал на необходимости

сохранять верхний слой грунта при копании, чтобы он мог быть использован для восстановления растительности. И он предлагал, чтобы мосты и опорные стены строились как эстетически приятные каменные конструкции, а не как бельмо на глазу из залитого бетона или заводской стали.

Идеи Зайферта нашли поддерживающий отклик. Вскоре после получения его рекомендаций, Тодт нанес ему неожиданный визит. В их последующей беседе два мужчины обнаружили, что их взгляды на природу и технологию значительно совпадали, и они начали плодотворное сотрудничество, которое продолжилось и во Второй Мировой Войне. В январе 1934-ого Тодт устроил для Зайферта обращение к его руководителям строительства. Вскоре после этого он организовал для Зайферта честь личной аудиенции Гитлера. Зайферт вступил в партию в 1937-ом, а год спустя Гитлер лично даровал ему титул профессора. В 1940-ом Тодт назначил Зайферта Верховным защитником сельской местности.

Чтобы осуществить свои идеи, Зайферт к тому времени нанял легион ландшафтных архитекторов, которые работали с рабочими. Называемые также «защитниками ландшафта», они зорко следили за фазами процесса сооружения. Хотя были столкновения между инженерами с механическим складом ума и Зайфертом и его людьми, ландшафтные архитекторы достаточно хорошо делали свою работу, и годы спустя немецкие защитники указывали на сооружение автобанов в 1930-ых как на модель успешного брака природы и технологии.

Второй центральной сферой деятельности Зайферта было управление водными ресурсами Германии. Он был огорчен тем, как беспечно Не-

мецкий рабочий фронт проводил свои бесчисленные проекты в сельской местности. В сентябре 1934-ого он составил обращение заместителю фюрера Хессу, в котором критиковал рабочий фронт за игнорирование законов экологии в мелиорации болот и регулировании подземных вод. Не получив удовлетворения от этой инициативы, год спустя он составляет осторожно задокументированное резюме об опасностях высушивания земель, которое возникло от чрезмерно усердной работы рабочего фронта, и отдал это резюме своему боссу, Фритцу Тодту. Имея поддержку Тодта, Зайферт публично высказал свои предостережения на конференции по природозащите в Бадене в 1936-ом.

Озаглавивая свои замечания «Превращение Германии в степь», Зайферт брал попытки рабочего фронта Лея высушить каждую топь и превратить каждый ручей в пустошь, четко-очерченный канал, лишенный кустарности и деревьев. Так как картинки обширных облаков грязи на Американских великих равнинах были свежи в умах каждого, Зайферт предвещал похожее опустошение для Германии, если в управлении национальными водными ресурсами не будет предпринята соответствующая работа.

Высказывание этих взглядов вызвало переполох в нацистской бюрократии. Не только рабочий фронт, но и министерство сельского хозяйства Дарре пыталось раздавить протесты Зайферта. Чтобы защитить себя от нападения, Зайферт сформулировал свой аргумент в терминологии национального социализма. Он обличил подход рабочего фронта как производную от материалистического, редуционистского, либерального мировоззрения прошлого столетия. Вместо этого он проповедовал нацио-

нально-социалистический подход, который определяет воду как «нечто живое». Как нацисты, по словам Зайферта, немецкие инженеры должны перейти от технического к биологическому мышлению.

Презентация Зайферта была достаточно убедительной, чтобы его эссе было опубликовано. Сопровожденные лестным предисловием Тодта, были напечатаны 7600 копий. Переизданная в 1941-ом в коллекции с несколькими другими статьями Зайферта, презентация была украшена фотографиями грязевых бурь на немецких фермах и другими иллюстрациями, которые свидетельствовали о неэстетичном и экологическом вреде, вызванном проектами рабочего фронта по водному регулированию.

Конечно аргументы Зайферта не сразу остановили злоупотребления, на которые он ссылаясь. Не смотря на декрет Министерства лесов, который давал сотрудиникам Зайферта полномочия участвовать во всех сельских проектах по сооружениям, экологически небезопасные проекты по мелиорации и управлению реками продолжались даже во время Второй Мировой Войны. В самом деле, они хорошо сохранились в поствоенной эре. Но сигнал Зайферта сконцентрировал на проблеме намного больше внимания, чем когда-либо ранее.

Вместе с работой с автобанами, аргументы Зайферта про регулирование рек усилили растущую тенденцию среди немецких природозащитников смотреть выше реактивной защиты находящихся под угрозой частей природы, а задуматься над планированием благополучия всей окружающей среды. Работы Зайферта также воодушевили природозащитников предупреждать и стараться управлять потенциально вредными внедрениями технологии. Хотя он признавал, что тех-

нология может быть «великим разрушителем», в частности, когда ей решено следовать своим собственным законам развития, Зайферт вместе с этим настаивал, что от не никуда не деться. Следовательно, говорил он, технология должна быть обуздана в «сознании ответственности» и «почтении жизни в любой ее форме».

Имея доступ к ужасной разрушительности Третьего Рейха, шокирует, как его любимцы болтали о почтении к жизни. Даже во время войны, в окружении разрушений и очевидно не обращая внимания на иронию в своих словах, Шоенихен писал, что «высочайшая культура включает высочайшую ответственность за сохранение природы и всех ее созданий». Он надеялся, что когда война закончится, Германия встанет во главе создания пан-Европейской защиты природы.

Часть III

СВЯЗИ МЕЖДУ НАЦИСТАМИ И ЗАЩИТНИКАМИ ПРИРОДЫ

После падения нацистской Германии, ни Шоенихен, ни другие защитники природы, чьи карьеры пошли вверх при Гитлере, публично не задумались об очевидном расхождении между сохранением природы и ужасным опустошением, вызванным национальным социализмом. К сожалению, ни один не прокомментировал и общую идеологическую связь между защитой природы и нацизмом. Однако, мы пороемся в современных доказательствах, чтобы определить, было ли низкопоклонство Гитлеру и его режиму, которое выражали эти люди, не более чем оппортунизмом, или это была основательная симпатия. Помимо внутреннего интереса, вопрос возможной центральной симпатии между

нацизмом и защитой природы имеет прямое отношение к неприятной современной проблеме.

Из разных стран появляются заявления, что защита окружающей среды, по крайней мере в некоторых своих проявлениях, внутренне нацистское явление. Ссылаясь на предрасположение против технологии, отказ от инструментального рационализма и недооценка прогресса в целом, некоторые критики обвинили, что сегодняшняя партия радикальной экологии Западной Германии, «Зеленые», по сути своей — национальные социалисты. По этой тенденции, в одной статье нарисовали карикатуру большой деревянной лошади, к которой крепился знак «Здоровый народ/Назад к природе». Из живота этой лошади вылазили маленькие гитлеры. Подходя к заявленному соответствию между нацистами и зелеными с другого угла зрения, Анна Брамвель идеи и деяния Фюрера по крестьянству Гитлера — Дарре, чтобы предположить, что корни сегодняшних Зеленых лежат на проклятой территории Третьего Рейха.

Эти заявления отражают поверхностное понимание истории и мировоззрения сегодняшних Зеленых и спутывают существование идеологического совпадения по нескольким моментам с фундаментальным совпадением. Сравнение идеологии Зеленых с идеологией нацистов показывает намного больше несоответствий, чем соответствий. Хотя и нацисты, и Зеленые жаловались на различные аспекты современного мира и призывали к фундаментальной трансформации общества, средства, которые они с этой целью защищали, да и сами цели были абсолютно противоположными. Даже при беглом рассмотрении программа Зеленых показывает, что из трех «основных столпов» этого до-

кумента три — абсолютно несовместимы с национальным социализмом: там, где Зеленые защищают экологическое мышление, нацисты выступают за чистый социальный дарвинизм; там, где Зеленые защищают демократию с природными корнями, нацисты выступают за фюрерские принципы; там, где Зеленые защищают ненасилие, нацисты практиковали завоевание и геноцид. Хотя и не являясь одним из четырех столпов идеологии Зеленых, феминизм также централен для убеждений и действий этой партии. В этом плане Зеленые также противоположны нацистам.

Заявленное совпадение между национальным социализмом и традиционной защитой природы было немного более существенным, чем заявленное совпадение с Зелеными. К полной уверенности, некоторые защитники природы как Шультце-Наумберг поглотил все нацистское мировоззрение. Доказательства свидетельствуют, что Шоенихен тоже принадлежал к этому лагерю коричневых рубашек, как и остальные природозащитники. Но природозащитники были едва ли особенными в этом отношении. Многие инженеры также симпатизировали фашизму. Вернер Линднер — один из известных примеров, который обсуждался в этой главе. В самом деле, в 1933ем национальная организация инженеров вела себя также, как и природозащитные клубы, которые обсуждались в этой главе, публично прославляя приход Третьего Рейха и с готовностью принимая его организационные и идеологические заповеди. Организации учителей и юристов с одинаковым энтузиазмом были согласны с режимом Гитлера. Последние исследования обнаружили значительную поддержку делу нацистов, особенно после того, как Гитлер обрел власть, среди таких несопоставимых

групп, как Христианские церкви, медики и физики.

Даже более важные для нацистского захвата власти, значительные части каждой из этих групп избирателей были смягчены для оболыщения нацистами принятием народных идей. Например, сразу перед 1933 многие физики подписались под принципами расовой гигиены, и многие священнослужители приняли антисемитизм в отречении евреев от Иисуса Христа. Несмотря на пересечения с нацизмом, насколько мне известно, никто не предположил, что медицина или Христианство во всех своих изменениях внутри являются нацистскими.

Чтобы выстроить убедительные, логические доводы в пользу внутренних продолжительных связей между любым мировоззрением и нацизмом, нужно продемонстрировать по крайней мере два условия: 1 — представленность в рамках нацистского движения по вопросу должна соответствовать или превышать представленность в группе сравнения; 2 — главное и стойкое совпадение между нацизмом и мировоззрением в данном вопросе. Давайте посмотрим, выполняются ли эти два условия для движения защиты природы.

Так как списки участников большинства природозащитных групп 1930-тых были потеряны или уничтожены, невозможно определить степень участия природозащитников в нацистском движении, которая представляет зоозащитное движение в целом. Поэтому я составил выборку из 18 предводителей природозащитного движения, 17 мужчин и 1 женщины, которые выделяли себя в управлении частными группами защитников природы или в работе в бюрократическом правительственном природозащитном аппарате до и после 1933-его. Как отмечено выше, только один из этого

списка завербовался в нацистскую партию до прихода к власти Гитлера. Однако, в первые пять лет гитлеровского режима присоединились еще как минимум 9-теро из этого списка, и еще один подал заявку, но был отвергнут на основании прошлых связей с коммунистами.

Чтобы оценить этот уровень участия в нацистской партии, хотелось бы иметь сравнительную статистику с другими партиями и предводителями. Идеальным сравнением была бы группа, которая бы включала выдающихся защитников реформистского дела внутри и вне правительства, которые достигли известности до 1933-его и оставались активными в своем деле после 1933-его. К сожалению, мне не удалось обнаружить статистику членства в нацистской партии для такого сравнения. Чтобы предложить неидеальную оправу характеристике, моя выборка природозащитных лидеров может быть сравнена с цифрами членов партии для взрослого мужского населения в целом и для уровней членства некоторых профессиональных групп, которые попадают под статистический анализ. Среди лидеров природозащиты, 5,5 % присоединились к нацистской партии до 1933-его. Сопоставимая статистика для мужчин — приблизительно 4 %, для докторов — 7 %, адвокатов — 5 %, учителей — около 4 %. Однако, процент участия природозащитников в нацистском движении до прихода к власти Гитлера не кажется особенным.

Это изменилось позднее. До 1939-ого по крайней мере 59 % природозащитников в моей выборке вошли в списки нацистской партии, по сравнению с приблизительно 10 % всех взрослых мужчин, 45 % докторов, и около 25 % учителей и юристов. Этот показатель того, что природозащит-

ники были сверхпредставлены в нацистском движении усилен доказательством того, что среди немецких профессий лесничество имели второе место по проценту участия, уступая только ветеринарам.

Тем не менее, для интерпретации этих данных нужна осторожность. Группы природозащитников, которые использованы в этом исследовании, это выборка руководителей, и высокий социальный профиль этих людей мог увеличить их процент участия в нацистской партии и сделать его выше чем у остального природозащитного движения. Более того, даже если мы допустим эту возможность, природозащитники могли присоединиться к партии из-за страха или из-за оппортунизма, чем из-за истинных политических убеждений. Так, возможно, и произошло с Алвином Зайфертом. Его высокий пост в государстве сделал участие в партии рекомендуемым, но в документах, относящимся к его членству, содержатся жалобы, что он никогда не принимал участие в собраниях или митингах.

Факт того, что индивидуальные политические симпатии могли происходить из убеждений и рассуждений независимых от привязанности к природозащите, усложняет еще более дело умозаключений по статистике участия в партии. Майкл Катер показал, что элита академиков и гражданских услуг Германии поддерживала нацизм непропорциональными размерами. 15 из 18 особ в лидерской выборке природозащитного движения, использованной в этом исследовании, — выходец из академической и бюрократической элиты. Возможно, что некоторые характеристики этих привилегированных групп поясняют политику этих лидеров природозащиты так же хорошо или лучше, чем это делает их близость с природозащитой.

Чтобы сфокусироваться на одной такой идеологической близости, согласно мнению Фритца Рингера, антимодернизм был весьма распространен среди немецкой академической элиты. Можно только догадываться, были ли антимодернизм, озвученный несколькими профессорами в руководстве природозащитной кампании, результатом их энтузиазма по отношению к защите природы, или их возвышенных позиций в академическом мире. То же самое можно сказать про практически все позиции, выделенные курсивом, из области пересечения на рисунке 1, схеме главных доктрин национального социализма и защиты природы. В качестве второй выборки, Джон Конвей, Эрнст Кристиан Хелмрайх и Гуентер Леви — все делали акцент на том, что антикоммунизм был вполне выраженным в христианских церквях Германии. Как и в случае антимодернизма, можно только гадать, произрастал ли антикоммунизм, озвученный христианами природозащитниками, из их крайней озабоченности природной средой, или из другого ряда убеждений, в этом случае из религиозных принципов. Тоска по национальному воссоединению, надежда о создании Великой Германии, и призыв к народному сообществу — все могло быть подобным образом пояснено как то, что произрастает из обязательств, чем от природозащиты. Эти убеждения распространялись на большую часть немецкого общества, не только на круг защитников. То же было правдой для ядовитого явления расизма.

Исследуя численные пункты, выделенные курсивом, из зоны пересечения на рисунке 1, только два пункта кажутся однозначно присущи и нацизму, и защите природы: 1 убеждение, что природа формирует нацио-

нальный характер и 2 — его вывод — идеализация крестьянства. Хотя все другие пункты в том пересечении сильно резонировала с многими природозащитниками, уникальная связь между национальным социализмом и защитой природы могла свестись к националистическому солипсизму, что природная среда существует для создания немецкого народа.

Популярное в качестве этого народного утверждения среди защитников в 1930-тых, доказательство из пост-нацистского периода показывает, что это была не постоянная часть мировоззрения защитников природы. После 1945-ого этот народный тезис фактически исчез из работ немецких защитников защиты и природозащиты. Уже в тот период защита и защита природы умудрились выжить и даже процветать.

Чтобы подытожить, может показаться, что только один вид охраны природы, народный ее вариант, был главным и долго был связан с нацизмом. Произрастая из рокового фетиша аграрного романтизма, который так влиял на немецкую культуру, этот народный вариант защиты природы преобладал до 1930-тых. Но другие вариации природозащитного мышления, например, те, что основывались на науке экологии или пантеизма, сохранились, и в них не было никакой существенной интеллектуальной связи с нацистами. Для этих ненародных видов защиты природы нацизм был в лучшем случае чуждым, а в худшем случае враждебным мировоззрением, и ненародные виды защиты природы являются те-

ми, которые преуспели в поствоенный период.

Некоторые могут помнить, что политические жертвы национального социализма, особенно социальные демократы, решительно защищали природозащитные меры десятилетия до того, как на сцене появились нацисты. Хотя процедурные требования демократии замедляли прогресс защиты природы во времена Веймарской республики, этот факт не противоречит продолжительной симпатии к природозащите в кругах демократов. Напротив, статья 150 Веймарской конституции, долгий список успешных и неудачных законодательных инициатив государственного и национального уровня, и надежное развитие левых «Друзей природы» — все было напоминанием, что разные не-нацистские группы всегда поддерживали защиту природы.

Хотя аргументы, приведенные здесь, попытались уменьшить вред репутации природозащитной кампании от видимых связей с нацизмом, остается правдой, что кампания защиты природы Германии выдержала сильный удар от этих ассоциаций. После уничтожения Третьего рейха, защита природы жалась в углу далеко от центра политической сцены, вопрошая, как ей теперь принять «защитную окраску» восстановленной демократии. Как выяснилось, должны были пройти годы, прежде чем стыд от связей с нацистами уйдет, а воскресшее экологическое видение, незапятнанное кровью и почвой, сможет мобилизовать новое поколение энтузиастов в вопросах окружающей среды.